

Е.С. Волкова*

**ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ СЕЛО
КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ****doi:10.31518/2618-9100-2026-4-21
УДК 94:316.35(571.6)"18/19"+(093.3)*Выходные данные для цитирования:**Волкова Е.С. Дальневосточное село конца XX – начала XXI века в художественной литературе // Исторический курьер. 2026. № 4 (48). С. 311–322. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-21.pdf>*

E.S. Volkova*

**THE FAR EASTERN COUNTRYSIDE
OF THE LATE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES IN FICTION****

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-21

*How to cite:**Volkova E.S. The Far Eastern Countryside of the Late 20th – Early 21st Centuries in Fiction // Historical Courier, 2026, No. 4 (48), pp. 311–322. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-21.pdf>]*

Abstract. The article analyzes the state of Far Eastern rural areas and communities in the post-Soviet period in a socio-anthropological way, the source base is works of fiction created by contemporaries. Far Eastern authors show in a generalized symbolic artistic form how, under the influence of market reforms, agricultural production is declining, jobs are being cut, labor is being precarized, economic and social infrastructure is being destroyed, and the standard of living of the majority of the rural population is falling. Writers express concern about the decline in the region's self-sufficiency in food and the formation of dependence on imported food supplies. Artistic texts describe such ways of adapting to the transforming everyday life as subsistence farming on household plots, fishing, hunting and harvesting wild plants in the taiga, natural exchange, and finally migration from the countryside to the city. Unable to cope with the new socio-economic reality, a number of literary heroes use destructive practices, ranging from the systematic intake of alcoholic beverages to suicide. The study of fiction allows us to conclude that the adaptation of the inhabitants of the region to the reforms in the agricultural sector was long and difficult. The conclusions reached by poets and prose writers are generally consistent with data from other sources and judgements of researchers.

Keywords: Russian Far East, market reforms, 1990s, 2000s, agriculture, countryside, fiction.

The article has been received by the editor on 01.05.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье анализируется состояние дальневосточного села в постсоветский период в социально-антропологическом ключе. Источниковой базой выступают произведения художественной литературы, созданные современниками. Дальневосточные авторы в обобщенно-символической художественной форме показывают,

* Елена Сергеевна Волкова, кандидат исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток, Россия, e-mail: elenavolkova1@yandex.ru

Elena Sergeevna Volkova, Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: elenavolkova1@yandex.ru

** Исследование выполнено в рамках государственного задания ИИАЭ ДВО РАН «Трансформационные и стабилизационные процессы на Дальнем Востоке России в эпоху глобализации: из XX в XXI век» (FWMU-2026-0011). The study was carried out as part of the state assignment of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences "Transformational and Stabilization Processes in the Russian Far East in the Era of Globalization: From the 20th to the 21st Century" (FWMU-2026-0011).

как под воздействием рыночных реформ приходит в упадок сельскохозяйственное производство, сокращаются рабочие места, идет прекаризация труда, разрушается экономическая и социальная инфраструктура, падает уровень жизни большинства сельского населения. Кроме того, литераторы выражают беспокойство по поводу снижения показателей самообеспечения региона продуктами питания и формирования зависимости от импортных поставок продовольствия. В художественных текстах описаны такие способы адаптации к трансформирующейся повседневности, как ведение натурального хозяйства на приусадебных земельных участках, рыболовство, охота и сбор дикоросов в тайге, натуральный обмен, миграция из деревни в город. Целый ряд литературных героев, не в силах справиться с новой социально-экономической реальностью, использует деструктивные практики, начиная от систематического приема алкогольных напитков и заканчивая сведением счетов с жизнью. Изучение художественной литературы позволяет сделать вывод, что адаптация жителей региона к реформам в аграрной сфере была длительной и трудной. Выводы, к которым приходят поэты и прозаики, в общем и целом согласуются с данными других источников и заключениями исследователей.

Ключевые слова: Дальний Восток России, рыночные реформы, 1990-е годы, 2000-е годы, сельское хозяйство, деревня, художественная литература.

Статья поступила в редакцию 01.05.2026 г.

Вопросы сельскохозяйственного производства, обеспечения страны продовольствием и вклада отдельных регионов в этот процесс являются актуальными направлениями научного поиска, особенно в современных условиях. Основными источниками для данного исследования выступают художественные тексты дальневосточных авторов, современников рыночных реформ. Литературные произведения открывают широкие возможности для историка, действующего в русле социально-антропологического подхода, позволяя проследить трансформацию повседневных структур, изучить общественные настроения и практики адаптации населения к новой социально-экономической реальности, почувствовать дух эпохи. Подобное исследование на материалах художественной литературы предпринимается впервые.

Сельское хозяйство на Дальнем Востоке имеет свои особенности: экономисты констатируют, что регион относится к зоне рискованного земледелия, местные производители вынуждены применять дополнительные технологические приемы для преодоления неблагоприятных климатических факторов, использовать повышенные дозы удобрений в условиях низкого естественного плодородия почв, нести высокие транспортные издержки на поставку ресурсов. Большую роль играет рассредоточенность сельскохозяйственного производства, на севере региона оно носит очаговый характер. Основные сельскохозяйственные угодья сосредоточены в Амурской области и Приморском крае¹.

Однако, несмотря на все имеющиеся особенности и трудности освоения территории, надо признать, что на Дальнем Востоке к концу XX столетия был накоплен значительный опыт сельскохозяйственного производства. Основу его в позднесоветский период составляли колхозы и совхозы, оно являлось многоотраслевым и в каждой области и крае имело свою специфику. Сельское хозяйство было признано одним из национальных приоритетов, для его развития на Дальнем Востоке использовались специальные методы экономического регулирования (в частности, сельхозпроизводители получали надбавки из государственного бюджета к закупочным ценам). В 1980-е годы в регионе значительно выросло производство мяса,

¹ Шелепа А.С. Экономические проблемы развития сельского хозяйства Дальнего Востока России // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 58; Сухомиров Г.И. Продовольственная безопасность Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 1. С. 101.

молока и яиц, небольшой прирост был зафиксирован по зерну и картофелю, в общем и целом самообеспеченность дальневосточных территорий продуктами питания увеличивалась даже несмотря на рост населения².

Преобразования в сельском хозяйстве в годы перестройки начинались под лозунгами повышения эффективности производства, по всей стране шли дискуссии о путях реформирования. Герои повести амурского прозаика Л.А. Симачева, сотрудники радиорелейной станции провинциального городка, с ностальгией вспоминают прежние времена, когда в округе паслись стада коров и коз, и сетуют, что теперь достать натуральное молоко стало проблемой. На замечание электромеханика, что существующее положение вещей нужно менять, начальник цеха уверенно отвечает: *«А мы и будем... Вот если хотя бы треть семей сейчас завели коров, то проблема молока и мяса была бы практически решена. А проблему овощей, если разумно подойти, сделав теплицы, загодя подготовиться, вообще можно решить за год. Сам же говорил, что китайцы, корейцы здесь все выращивали»*³. Герои повести, как и многие их соотечественники, *«наивно очарованы перестройкой»*⁴, искренне верят, что в новых условиях все возможно, и для начала решают завести корову на две семьи, чтобы обеспечивать молоком своих детей.

Герой камчатского поэта И.Г. Рычкова тракторист Иван в годы перестройки отправляется в город для обучения в Высшей партийной школе (ВППШ), планируя после возвращения в деревню работать в сельсовете. Об односельчанах автор как бы мимоходом сообщает: *«Васька на складе в халате сидит, / шифер налево толкает, бандит. / Сеньку забрали – сельпо разорил, / шубы собольи молодкам дарил»*. За время обучения тракториста, как следует из писем его матери, ситуация в деревне стремительно меняется: *«Вымахал в поле по пояс бурьян»*; *«Доится Зорька с грехом пополам, / вербу сглодала и ту до сучка. / Скоро останемся без молочка...»*; *«Зорьку забили, товарищ Иван, / дров прикупить – продала сарафан»* и, наконец, *«Хлеба купить – нет в избе ни гроша»*. Иван, получив диплом ВППШ, возвращается в деревню, а в это время в Москве происходит путч: *«С поезда слез, а райком под замком, / все величают меня дураком»*; *«Поле по шею травой заросло, / а под горой митингует село»*. В новых условиях герой вынужден отложить диплом ВППШ до лучших времен и по-прежнему работать трактористом, а его незаконопослушные односельчане, как выяснилось, преуспели: *«В мэрии Васька – без мыла пролез, / продал “волжонку”, купил “мерседес”. / Сенькиных и не учесть должностей: он пострадавший от бывших властей»*⁵.

В повести амурского прозаика А.В. Маликова директор совхоза и его предприимчивый заместитель одну за другой генерируют бизнес-идеи, от торговли шкурами, рогами и копытами вплоть до продажи китайцам чернозема, который предприимчивые товарищи собираются закупать в Воронежской области. Воплотить в реальность удастся только одну идею – нанять китайцев для выращивания овощей на землях совхоза: *«Наш народ совсем разбаловался, ниче руками делать не хотят, а эти... еще неиспорченные»*⁶. А вскоре китайцы обращаются к руководству совхоза с жалобой на местных жителей, которые украли у них огурцы⁷.

Картина, нарисованная литераторами, в общем и целом согласуется с выводами целого ряда исследователей, которые считают ситуацию, сложившуюся в сельском хозяйстве к началу 1990-х годов, проблемной, кризисной, требующей скорейшего разрешения⁸.

² Сухомиров Г.И. Проблема самообеспечения сельскохозяйственными продуктами в регионах Дальневосточного федерального округа // Проблемы развития территории. 2017. № 1. С. 175, 177.

³ Симачев Л.А. До коммунизма и после. Благовещенск, 2003. С. 48.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Рычков И.Г. Былина о ВППШ [Электронный ресурс] // Изба-Читальня. Литературно-художественный портал. URL: <https://www.chitalnya.ru/work/408284/> (дата обращения: 28.04.2026).

⁶ Маликов А.В. Острое чувство. Благовещенск, 2014. С. 333–334, 346.

⁷ Там же. С. 347.

⁸ Корякина Е.В. Социально-экономическая траектория развития дальневосточной деревни в середине 1980-х – начале 1990-х гг. XX в. (на примере Амурской области и Приморского края) // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4-2. С. 94–95.

После принятия базовых нормативных актов в отрасли стартовали радикальные преобразования, которые включали в себя приватизацию земель сельскохозяйственного назначения, ликвидацию колхозов и совхозов, создание крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ), отмену централизованного планирования в сфере сельхозпроизводства, либерализацию торговли и цен и др.⁹ Вот как описывает ход реформы в Амурской области, которая традиционно считалась житницей Дальнего Востока, прозаик П.М. Никиткин в романе «Русский берег»: *«Распался совхоз на мелкие хозяйства. Кто был у власти – отхватил от хозяйства кусок пожирнее, завел собственное дело. Основная часть работников довольствовалась земельным паем, что достался при дележе и который зарастал бурьяном, стал пустошью»; «пришла безработица, вышибло крестьянина из колеи»*¹⁰.

Молодой толковый специалист Володя, муж бывшей доярки и отец двоих детей, который раньше заведовал животноводческой фермой (*«там заработки хорошие были»*), теперь остался не у дел и получил предложение поработать у двоюродного дяди Юрия Михайловича управляющим в КФХ: *«Дядя не обижает. Семья Володи обеспечивается хорошо. Но и работает он с восхода до заката, а зимой и после заката. И без выходных»*¹¹.

В отличие от Володи, Юрий Михайлович в сельском хозяйстве *«ни ухом ни рылом»*, но раньше он занимал большой пост в горисполкоме и в ходе приватизации получил солидный кусок бывшей государственной собственности – на эти деньги построил хоромы на берегу реки и создал фермерское хозяйство: *«У половины бывших колхозников... паи за бесценок выкупил. Да их же, этих колхозников, и привлекает во время посевной, уборочной к работе»*¹². В художественных произведениях мы видим, что в новых условиях многие наемные работники вынуждены работать без социальных гарантий и беспрекословно подчиняться работодателю, чтобы не потерять рабочее место. Происходит прекаризация труда, широкое распространение получает временная, неформальная, теневая занятость.

Фермерский опыт другого героя романа, Петра, который в советское время вместе с женой работал в тайге на гидрометеорологическом посту, оказался неудачным. С началом радикальных реформ молодые супруги попали под сокращение и вынуждены были переехать к теще, а та привезла им поросят: *«Откормите и, глядишь, к зиме выручите какую-никакую копейку. Другой работы нигде не найдете»*. И хотя Петр крутился как белка в колесе и в результате выкормил, вырастил свиней, оказалось, что это только полдела: *«Вторая половина – куда их сбыть, как получить доход»*¹³. Попытка новоявленного фермера пробиться на рынок, в ресторан, в столовую, но безуспешно – оказалось, что *«в райцентре всей торговли мясом заправляют черные»*¹⁴, а отдавать свинину перекупщикам Петр не хотел из принципа. Узнав о неудаче, теща через знакомых договорилась с военными – они и купили у Петра все мясо, но сам он с той поры завязал с предпринимательством и вскоре оказался в батраках у того же Юрия Михайловича¹⁵. Исследователи отмечают, что на территории Амурской области достаточно глубоко были укоренены коллективистские настроения, основная часть сельского населения пассивно отнеслась к призывам властей по созданию КФХ¹⁶.

⁹ Ващук А.С. Российская земельно-аграрная реформа в 1990-е гг. и ее начальный этап реализации на Дальнем Востоке // Итоги и перспективы развития исторической науки на Дальнем Востоке России. Владивосток, 2021. С. 194–195.

¹⁰ Никиткин П.М. Русский берег. Благовещенск, 2015. С. 121.

¹¹ Там же. С. 100, 121.

¹² Там же. С. 101. По данным статистики, большинство КФХ в Амурской области составляли семейные фермы, только 15 % хозяйств рассматривали привлечение наемной рабочей силы (Ващук А.С., Кужина Н.И. Земельная реформа и формирование крестьянских (фермерских) хозяйств в Амурской области в 1990-х – 2014 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2023. № 6. С. 57).

¹³ Исследователи констатируют, что сбыт произведенной продукции был одной из самых острых проблем, препятствующих развитию КФХ.

¹⁴ «Черными» на Дальнем Востоке называли выходцев с Кавказа.

¹⁵ Никиткин П.М. Русский берег... С. 103–105.

¹⁶ Ващук А.С., Кужина Н.И. Земельная реформа... С. 62, 66–67. В 2002 г. в Амурской области на долю КФХ приходилось 13,3 % сельхозугодий.

Еще об одной практике адаптации к новым рыночным условиям в романе рассказывает водитель-дальнобойщик, который до начала реформ работал в автоколонне агропромстроя: *«А теперь сельское хозяйство государству, похоже, не нужно, – заключает герой, – строить на селе – ничего не строят. Оказались мы не у дел. Наше начальство решило отдать машины в аренду водителям, чтобы и технику сохранить, и самим, однако, зарплату с этой аренды получать»*¹⁷. Эта и другие схемы, представленные в литературных произведениях, подтверждают, что использование административного ресурса при реформировании сельскохозяйственной отрасли играло важную роль.

Рыночные реформы коренным образом изменили условия деятельности сельхозпроизводителей. Речь идет не только о разрыве сложившихся связей в сферах снабжения, сбыта, переработки продукции, но и о диспаритете цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. В среднем по России за период с 1991 по 2008 год диспаритет составил 3,8 раза, на Дальнем Востоке – 9,4 раза (цены на реализуемую сельскохозяйственную продукцию выросли в 74,2 раза, а на приобретаемую сельским хозяйством промышленную продукцию – в 697,9 раза)¹⁸. Приморский автор М.С. Деменок рассказывает об упадке Анучинского пчелосовхоза, который в благополучные 1980-е годы освоил современные технологии и стал высокорентабельным предприятием, что позволяло выделять средства на развитие социальной сферы и даже вести собственное жилищное строительство. Однако в годы рыночных реформ *«из-за непродуманной ценовой политики, когда мед был дешевле кирпича, сахара, почти все пчелопасеки разорились. Вместо того чтобы наращивать пчелосеми, они вынуждены были продавать их с молотка, чтобы выплатить пчеловодам и подсобным рабочим зарплату. Одним словом, передовой, некогда гремевший по краю пчелосовхоз обанкротился, а классные профессиональные пчеловоды... оказались не у дел»*¹⁹.

«...Собственно, все сельскохозяйственное производство стало убыточным», – читаем в романе «Русский берег»²⁰. Экономисты подтверждают, что и к концу 2000-х годов производство продукции в сельскохозяйственных организациях Дальнего Востока без дотаций и компенсаций оставалось убыточным. С учетом субсидий из бюджетов разных уровней начиная с 2006 г. среднюю рентабельность удалось поднять до положительных значений, но достигнутые показатели не обеспечивали условий даже для простого воспроизводства. Несмотря на реализацию приоритетного нацпроекта «Развитие АПК» (агропромышленного комплекса), на произошедшие позитивные сдвиги в сельском хозяйстве и появление отдельных точек роста, на рубеже 2000–2010-х годов дальневосточное село по-прежнему находилось в трудном положении и по большинству социально-экономических показателей не достигло уровня 1990 г.²¹

*«Взять те же зверосовхозы, зверофермы, – рассуждает один из героев П.М. Никиткина старик Гаврилыч. – Какой доход они приносили... А затраты – корм – рыба минтай да отходы с мясокомбината. Но теперь минтай и для населения стал золотой рыбкой, а отходов на мясокомбинатах нет – все идет в колбасу, все идет на стол людям»*²². Поэт Г.П. Шумейко, по сути, подтверждает эти слова: *«А тут минтая взял, и вот он – праздник»*²³.

Статистика показывает, что в 2000 г. по сравнению с 1990 г. из-за падения реальных доходов дальневосточников значительно сократилось потребление на душу населения мяса (в 1,6 раза), молока и молочных продуктов (в 2,5 раза), яиц (в 1,8 раза), овощей (в 1,5 раза), «хлебные» показатели остались примерно на том же уровне, а «картофельные» увеличились в 1,4 раза²⁴. Важно отметить, что потребление хлеба и картофеля превысило рекомендуемые

¹⁷ Никиткин П.М. Русский берег... С. 39–40.

¹⁸ Шелепа А.С. Экономические проблемы... С. 58–59.

¹⁹ Деменок М.С. Злой рок Алтайки. Владивосток, 2007. С. 275–276.

²⁰ Никиткин П.М. Русский берег... С. 46.

²¹ Шелепа А.С. Экономические проблемы... С. 62–63, 65; Сухомиров Г.И. Продовольственная безопасность... С. 101–102.

²² Никиткин П.М. Русский берег... С. 162.

²³ Амурская правда. 1999. 13 февр.

²⁴ Подсчитано по: Сухомиров Г.И. Продовольственная безопасность... С. 103.

нормы, а вот остальные позиции сильно от них отставали – подобная модель углеводистого типа питания негативно влияет на качество и продолжительность жизни²⁵. Кроме того, экономисты констатируют, что в годы рыночных реформ увеличилась дифференциация в потреблении продуктов питания между группами населения с высокими и низкими доходами. Большинство сельских жителей попали во вторую категорию: целый ряд продуктов питания для них оказался просто недоступным. Сельское население потребляло значительно меньше мяса, молока, яиц, фруктов, овощей и намного больше хлеба и картофеля, чем городское (таким образом, модель углеводистого типа питания здесь более выражена)²⁶. Лирический герой стихотворения Г.П. Шумейко рассказывает, что каждую весну сажает у себя на огороде картошку и капусту, которые помогают пережить трудные времена, и предлагает поставить памятник этой «сладкой парочке»²⁷. *«И если б не картошка и капуста, на паперти б сидела вся страна»*, – саркастически заключает поэт²⁸.

В романе П.М. Никиткина руководитель возрождающегося коллективного хозяйства делится наболевшим: *«По всей стране поля зарастают лесами, разрушены зерновые и скотные дворы, уничтожено поголовье скота и птицы»*²⁹. Статистика показывает, что на Дальнем Востоке в силу неблагоприятных природно-климатических и экономических условий спад сельскохозяйственного производства был более глубоким, чем в среднем по России³⁰. За годы рыночных реформ в Дальневосточном регионе резко снизилась обеспеченность сельскохозяйственными продуктами на душу населения за счет собственного производства: в 2001–2005 гг. по сравнению с 1986–1990 гг. в 3 раза упали показатели по мясу, в 2,1 раза – по молоку и молокопродуктам, в 2 раза – по яйцам, а выросли по картофелю – в 1,4 раза, по овощам – в 1,3 раза, да и то за счет хозяйств населения (ХН). По мясу, молоку и яйцам самообеспеченность региона в первой половине 2000-х годов составила лишь 14,1, 21,3 и 44,3 % соответственно³¹.

Дальневосточные писатели констатируют, что в результате реформ страна попала в жесткую зависимость от зарубежных поставок продовольствия. *«Да вот и рынок. Кроме забугорных, / на нем и нынче нет уже товаров, / а Запад забастует – что с базара / мужик российский завтра понесет?»* – вопрошает магаданский поэт А.А. Пчелкин³². *«Несметные полчища иноземных продуктов легко пересекли границы славянских племен и без сопротивления завоевали просторы России, – читаем в повести хабаровского прозаика А.В. Гребенюкова. – ...На рынках повсю хозяйничали соседи. “Корефана, корефана!”³³ – предлагали они свой дешевый товар. Но и на нем получали стопроцентную прибыль»*³⁴. Главный герой повести Алексей, бывший инженер-конструктор, а теперь водитель у собственной жены-бизнесвумен, не жаловал китайскую картошку, поскольку она *«была плохая, сладкая и быстро портилась»*. Придя на рынок, он отыскал *«с краю примостившегося дедка в телогрейке»*, который продавал картошку подороже, но местного производства. *«Родная, не чета иноземцу косоглазому»*, – подтвердил дедок³⁵.

Получила отражение в художественной литературе и такая практика, как получение гуманитарной помощи из-за границы – о ней дальневосточные авторы и их герои зачастую говорят с горькой иронией и чувством стыда (от того, что здоровые люди трудоспособного возраста вынуждены принимать дармовые подачки, а порой даже устраивают из-за них драки).

²⁵ Шелепа А.С. Экономические проблемы... С. 59.

²⁶ Сухомиров Г.И. Продовольственная безопасность... С. 102.

²⁷ Здесь очевидна отсылка к телевизионной рекламе шоколадных батончиков Twix 1990-х годов.

²⁸ Амурская правда. 1999. 13 февр.

²⁹ Никиткин П.М. Русский берег... С. 248.

³⁰ Шелепа А.С. Экономические проблемы... С. 9.

³¹ Подсчитано по: Сухомиров Г.И. Проблема самообеспечения... С. 180.

³² Пчелкин А.А. Непогодь: стихи перестроечных лет. Магадан, 2000. С. 49.

³³ Судя по обращению продавцов к покупателям, речь идет о китайцах.

³⁴ Гребенюков А.В. Ангел и бес // Дальний Восток. 1999. № 5-6. С. 195.

³⁵ Там же. С. 197.

Реформирование колхозов и совхозов в 1990-е годы не включало в себя государственную поддержку социально-бытовой сферы: предполагалось, что в новых рыночных условиях сельское население должно «крутиться» и выживать самостоятельно. По данным статистики, в результате реформ в сельской местности формируется значительный слой малоимущих, существующих на грани физического выживания³⁶. Вот как пишет амурский баснописец М.Н. Синявский о крестьянине, живущем в богом забытом селе:

*Реформы обошлись с ним так жестоко,
Что приходили мысли о петле...
Земля без удобрений не рожала,
Солярка – в долларах, ну а зерно – в рублях...
А техника настолько вздорожала,
Что хоть мотыгой обрабатывай поля...
И нет властей, что раньше выручали
При заготовке и угля, и дров.
Без молока детишки отоцали –
Кормов не стало и... под нож коров³⁷.*

Водитель Геннадий Иванович в романе «Русский берег» рассуждает: «Ну как, как селянину свести концы с концами, когда нет работы, нет зарплаты? ...Разбегутся, разбредутся мужички по городам...»³⁸.

В рассказе сахалинского прозаика Е.В. Шевич пожилая женщина Анна Петровна отказывается брать у «шикарно одетого Господина» доллары и евро, которые тот предлагает в качестве платы за молоко для больной дочки: «Да на кой ляд мне энти картинки! Я на них ни крупы, ни хлеба не куплю». Анна Петровна просит у покупателя рубли, но рублей у богача не хватает, и он встает перед женщиной на колени: «Я отработаю... я к вам в батраки пойду». Услышав о больном ребенке, Анна Петровна выносит банку молока и безапелляционно вручает Господину, закрывая глаза на недостающую сумму. А вот как рассказывает героиня о своей жизни в новых рыночных условиях: «У меня лошадка есть. Сено косим опять же. Слава Богу – и огород, и коровка, куры, ути... И телевизор есть. Только нам как в девяностом году свет обрезают за неплатеж, он вроде и ни к чему... А теперь, как электростанции сгорели, хоть бы радио послушать, скучно без него»³⁹. П.М. Никиткин пишет, что в деревнях закрываются медицинские пункты, а до ближайшей аптеки приходится ехать несколько десятков километров⁴⁰.

Литераторы рисуют драматическую картину разрушения социальной инфраструктуры в сельской местности и архаизации социальных практик⁴¹. В годы радикальных реформ широкое распространение получают такие формы хозяйственной деятельности, как самообеспечение продуктами питания с приусадебных хозяйств и дачных участков, прямые бартерные обмены, сбор дикоросов в тайге, охота и рыболовство (в том числе браконьерские практики), производство самогона на продажу, сбор металлолома и прочее – эти способы адаптации к новой рыночной реальности, описанные исследователями, представлены и в художественных произведениях. А за медицинской помощью жителям села приходится обращаться к народной целительнице бабке-повитухе или, как в романе Ю.С. Рытхэу, к простой санитарке, которая по должности отвечала только за чистоту помещений, но за годы работы в больнице научилась многим медицинским процедурам⁴².

³⁶ Куликова Н.В. Состояние современной социальной сферы дальневосточного села // Никоновские чтения. 2001. № 6. С. 387.

³⁷ Синявский М. Сказка о богатом рыбаке и его «рыбке» // Амурская правда (ГААО. Ф. Р-2328. Оп. 1. Д. 11. Л. 5).

³⁸ Никиткин П.М. Русский берег... С. 46.

³⁹ Шевич Е.В. Все как тогда. Южно-Сахалинск, 2014. С. 108–109.

⁴⁰ Никиткин П.М. Русский берег... С. 245.

⁴¹ Зарубина Н.Н. Упрощенные социальные практики как способ адаптации к сложному социуму // Социологические исследования. 2014. № 5. С. 42.

⁴² Рытхэу Ю.С. Чукотский анекдот... С. 128.

Если у городских жителей в 2000-е годы отмечено значительное снижение интереса к выращиванию сельскохозяйственной продукции на собственном участке в связи с ростом доходов из основных источников, то в сельской местности личные хозяйства по-прежнему остаются важнейшим средством выживания⁴³. В 2006–2008 гг. в ХН все еще производится 59,1 % валовой продукции сельского хозяйства Дальневосточного региона⁴⁴. Многие жители села рассчитывают на использование этого источника существования как одного из основных и после выхода на пенсию⁴⁵. Такая позиция получила отражение и в стихах приморского поэта Е.Д. Лебкова: *«Мой огород – пока четыре сотки / Землицы на озерном берегу. / Таких, как я, в стране теперь не сотни, / А миллионы в пенсион-полку»*⁴⁶. *«Люди в поселке живут только своим хозяйством, – рассказывает водитель приезжему в романе П.М. Никиткина. – А хозяйство – коровенка да поросяток. И тех держат только для себя, а на продажу невыгодно – корма стоят дорого»*⁴⁷.

С болью пишет о ситуации в деревне В.Г. Алюшин, уроженец села Степного в Амурской области, которое давно уже исчезло с лица земли:

*Не заплещется море синее,
Сколь водицы в него не лей.
Закатилась звезда России,
Закатилась звезда полей. <...>
Зарастет травой чисто полюшко,
Затоскует луг по косьбе.
...Ой ты, русская доля-долюшка,
Позавидует кто тебе?»*⁴⁸

Для целого ряда дальневосточных авторов, особенно тех, кто родился и вырос в сельской местности, деревня является истоком, опорой и символом России. Герой романа «Русский берег» бывший моряк Василий после долгих поминок по отцу задумал продать родовой дом в деревне, бывшей казачьей станице, но один из родственников убедил его не делать этого: *«Здесь же корни твои. Что ты скажешь детям своим? Что по пьяному делу продал дом, продал станицу, продал родину?»*⁴⁹.

Отметим, что деструктивные практики широко представлены в художественной литературе изучаемого периода: если говорить о жителях сельских территорий, то в подавляющем большинстве случаев речь идет о неумеренном употреблении алкогольных напитков. *«Пьянь – на пьяни, все повымрем вскоре»*, – мрачно прогнозирует Е.Д. Лебков⁵⁰.

Продолжается переток населения из деревни в город: *«...Поле-полюшко заросло, / Не вернуть народ к серпу-молоту, / Все безлюднее наше село»*, – сетует П.И. Шепчугов⁵¹. Главными причинами стали низкие зарплаты в сельской местности (45–50 % от средней по экономике⁵²), сокращение числа рабочих мест и возможностей для трудоустройства⁵³, жилищная проблема, развал социальной инфраструктуры: стремительно падает обеспеченность сельского населения образовательными, медицинскими, культурными учреждениями,

⁴³ Козырева П.М. Ресурсы и практики социально-экономической адаптации населения России. М., 2013. С. 85–86; Пастухова Н.Ю. Основные проблемы развития социально-трудовой сферы села дальневосточного региона // Никоновские чтения. 2001. № 6. С. 228. По данным опроса, проведенного специалистами Дальневосточного НИИ экономики, организации и планирования АПК в 2001 г., для 40 % сельского трудоспособного населения Хабаровского края личное хозяйство являлось основным местом работы и источником доходов.

⁴⁴ Шелепа А.С. Экономические проблемы... С. 61.

⁴⁵ Козырева П.М. Ресурсы и практики... С. 86.

⁴⁶ Лебков Е.Д. А что же мне делать в России. Находка, 2001. С. 70.

⁴⁷ Никиткин П.М. Русский берег... С. 46.

⁴⁸ Литература Приамурья (середина XIX – начало XXI века). Благовещенск, 2022. С. 462.

⁴⁹ Никиткин П.М. Русский берег... С. 179.

⁵⁰ Лебков Е.Д. А что же... С. 70.

⁵¹ Паруса – 3. Владивосток, 2008. С. 79.

⁵² Сухомиров Г.И. Продовольственная безопасность... С. 101.

⁵³ С 1990 по 1999 год численность занятых на сельскохозяйственных предприятиях Дальнего Востока сократилась на 62,3 % (Пастухова Н.Ю. Основные проблемы... С. 227–228).

транспортное сообщение приходит в упадок. Ощутимо увеличивается разрыв между городом и деревней по многим социально важным показателям. *«Городу легче, город быстрее привыкает к переменам. Он – космополит, – говорит водитель в романе «Русский берег». – А деревня... Все вернулось на круги своя. Некрасовские времена вернулись. Нищета беспросветная»*⁵⁴. Население в деревнях стареет, молодежь и специалисты среднего возраста с детьми тянутся в город. *«Стоит деревня в отдалении, / еще как будто бы стоит, / а в ней народонаселения / на трех старух – один старик...»*, – сетует сахалинский поэт Б.П. Репин⁵⁵.

«В селе вообще тяжко», – заключает автобиографический герой В.М. Пожидаева⁵⁶. Тем не менее герой признается, что в последние годы советской власти переехал из благоустроенной городской квартиры в деревню и не жалеет об этом⁵⁷. Как выясняется, после всех реформ и катаклизмов жизнь в деревне продолжается: *«Не дремлет русская глубинка»*, – заключает Е.Д. Лебков, добавляя: *«Она к политике – не очень, / Да и к властям – не с полной верой, / Ей поважней – “убраться в осень” / И домом жить, а не фатерой»*⁵⁸. С большим уважением относится автор к крестьянскому труду и людям, которые, несмотря ни на что, сохраняют верность деревне. Для целого ряда дальневосточных авторов она выступает землей обетованной: там бескрайние просторы, благодать и покой, там легче дышится, да и люди в деревне добрее. *«Там начало всех начал для души»*, – убежден поэт Г.П. Шумейко⁵⁹.

Специфика трансформации сельскохозяйственной отрасли в самом восточном автономном округе России в 1990-е годы получила отражение в романе Ю.С. Рытхэу «Чукотский анекдот». Кандидат от партии власти приезжает в село Люрэн – когда-то оно считалось образцовым: здесь жили лучшие китобои, в округе паслось самое большое оленье стадо, село в первую очередь обеспечивалось техникой, строились новые корпуса зверофермы и т.д. Теперь же кандидата встречают в *«полуразваленном, давно не топленном Доме культуры»*, столовая, детский сад и пошивочная мастерская закрыты, меж домов бродят *«тени не успевших протрезветь»*, а возле морга собралась толпа местных жителей на похороны односельчанина Котгыргына, который покончил собой, не дожив и до сорока лет, поскольку больше года не получал зарплату и оказался не в состоянии прокормить больную жену и троих детей⁶⁰.

В силу климатических особенностей и транспортной труднодоступности продовольственная проблема на Чукотке в годы реформ стояла особенно остро. Михаил Меленский, руководитель недавно образованного кооператива, который занимается рыболовством и добычей морского зверя, сообщает, что в результате перебоев с поставками продовольствия многие чукчи и эскимосы перешли на местные продукты – мясо моржа, кита, лахтака и нерпы: *«Заготавливаем запасы на зиму, пользуясь древними технологиями. По большому счету могли бы обходиться без картофеля и овощей. Наши старые женщины еще помнят, как консервировать на зиму тундровые растения, ягоды, дикий лук... Конечно, тяжелее приходится приезжим русским. Когда кончаются привозные продукты, они буквально начинают голодать»*⁶¹.

Что касается оленеводства, то здесь, как и в других отраслях АПК, коллективные хозяйства были упразднены, общественные олени розданы в частное владение, однако попытки организовать фермерские хозяйства закончились полным провалом. *«Кто пропил оленей, кто так продал, за деньги, – рассказывает оленевод Тутай. – ...Тут много прилетало покупателей. Но больше всего за рогами. Порой так и оставляли на земле мертвые туши, спиливали только рога»*⁶². В советское время Тутай работал старшим пастухом совхоза,

⁵⁴ Никиткин П.М. Русский берег... С. 48.

⁵⁵ Литературный Сахалин. 1992. № 2. С. 5.

⁵⁶ Пожидаев В.М. У черепахи жизнь простая // Литературный Владивосток. 2016. С. 92.

⁵⁷ Там же. С. 98–99.

⁵⁸ Лебков Е.Д. А что же... С. 40.

⁵⁹ Амурская правда. 1999. 13 февр.

⁶⁰ Рытхэу Ю.С. Чукотский анекдот... С. 184, 189–191, 234.

⁶¹ Там же. С. 101.

⁶² Там же. С. 78–79.

но по сути являлся хозяином большого оленьего стада, унаследованного от предков: «в подпитии он хвастался, что хотя формально олени и принадлежат совхозу, однако настоящим владельцем является он, Тутай». На вопрос, почему же новые собственники оленей так быстро с ними расстались, Тутай сердито отвечает: «Потому что ворованное стараются поскорее сбыть с рук! Те, кому отдали в собственность оленей, никогда не были настоящими их хозяевами. ...Животных, которых приватизировали, как бы случайно нашли. ...Вот почему и постарались избавиться от них поскорее – а вдруг эти московские тангитаны, которые придумали приватизацию, одумаются и все отменят?»⁶³. Автор добавляет, что с началом рыночных реформ водку и вино на Чукотке стали продавать без ограничений, в результате чего местное население «впало в беспробудное пьянство»⁶⁴ (в силу генетических причин коренные народы Севера более уязвимы к алкоголизму).

Важный лейтмотив, который звучит в литературных произведениях конца XX – начала XXI в.: не стоит ждать милостей от государства, нет смысла надеяться на то, что кто-то придет и обустроит твою жизнь – надо брать дело в свои руки. «Гуманитарная помощь не может быть вечной. Да и стыдно жить на чьем-то иждивении... Очень медленно, но среди местного населения растет сознание того, что надо полагаться на самого себя», – говорит Меленский, предлагая в первую очередь возродить морской зверобойный промысел, который обеспечит местное население полноценным животным белком, что снимет остроту продовольственной проблемы⁶⁵.

В романе «Русский берег» Полина Егоровна, в позднесоветский период уехавшая по молодежному призыву на строительство Байкало-Амурской магистрали, возвращается в родную деревню и предлагает односельчанам возродить коллективное хозяйство. «Вечерами их дом напоминает клуб. Все население собирается ее послушать. Она говорит, что хватит питаться продуктами с чужого берега, пора свои выращивать. Пора России встать с колен. И правда, пора!.. Нечего нам ждать указок сверху», – говорит Василий, бывший одноклассник Полины и моряк заграничного плавания, который приехал в деревню на похороны отца и неожиданно для себя самого принял решение остаться⁶⁶.

Получив поддержку односельчан, Полина оформляет регистрационные документы: изначально речь идет о создании подсобного хозяйства Байкало-Амурской магистрали для обеспечения железнодорожников продовольствием. БАМ выделяет средства на закупку семян, скота, техники, строительство сельскохозяйственных зданий и сооружений. «А главное – есть работа и из деревни не будут уезжать люди», – с жаром говорит Василий своему приятелю, приглашая его поучаствовать в новом проекте⁶⁷. Приятель соглашается, подсобное хозяйство «Надежда» начинает свою деятельность и работает вполне успешно, но через два года выясняется, что и для железнодорожников наступили трудные времена, в результате проект сворачивают, а имущество планируют продать. Однако жители деревни принимают решение не бросать хозяйство, а продолжить работу уже в качестве самостоятельного юридического лица, взять кредит в банке и заключить договор с железной дорогой о постепенном погашении долгов. «Дай, Господи, моим героям, моим соотечественникам выстоять в это штормовое время, сберечь и поднять страну – русский берег», – так завершает автор свой роман⁶⁸.

Подводя итог, отметим, что в художественных произведениях дальневосточных авторов перед нами предстает драматическая картина падения сельскохозяйственного производства, разрушения экономической и социальной инфраструктуры, роста безработицы и снижения уровня жизни сельского населения. По сути, литераторы освещают те же самые вопросы, которые обсуждаются в научных трудах, только языком лирики и художественной прозы. Среди главных причин упадка – неадекватное реформирование отрасли, резкое

⁶³ Рытхэу Ю.С. Чукотский анекдот... С. 82–83. Тангитанами чукчи называют белых людей, в данном случае – русских.

⁶⁴ Там же. С. 54.

⁶⁵ Там же. С. 184–185.

⁶⁶ Никиткин П.М. Русский берег... С. 181–182.

⁶⁷ Там же. С. 182.

⁶⁸ Там же. С. 255.

сокращение инвестиций в АПК, диспаритет цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию. На Дальнем Востоке к этим общим для страны факторам добавляются непомерно высокие теплоэнергетические и транспортные тарифы. Снижаются показатели самообеспечения региона продуктами питания, формируется зависимость от импортных поставок продовольствия. Разрушение производственного и экономического потенциала сельского хозяйства в ходе рыночных реформ приводит к сокращению рабочих мест, снижению материальной заинтересованности и массовому оттоку работников в другие отрасли. Идет процесс прекаризации труда, повсеместно практикуется временная, неформальная, теневая занятость. Продолжается миграция населения в города. Обезлюдение деревни является одной из болевых точек художественной литературы рассматриваемого периода.

Анализ произведений дальневосточных писателей приводит к выводу, что адаптация жителей региона к преобразованиям в аграрной сфере была долгой и трудной, что также согласуется с заключениями целого ряда исследователей. В художественных текстах нашли отражение не только деструктивные процессы, но и практики адаптации сельского населения к новой реальности. Целый ряд литераторов выражает надежду на возрождение села, считая важнейшим условием не только возвращение сельского хозяйства в число национальных приоритетов, но также преодоление сельским населением патерналистской позиции и опору на собственные силы.

Литература

Ващук А.С. Российская земельно-аграрная реформа в 1990-е гг. и ее начальный этап реализации на Дальнем Востоке // Итоги и перспективы развития исторической науки на Дальнем Востоке России. Владивосток: Дальнаука, 2021. С. 191–199.

Ващук А.С., Кужина Н.И. Земельная реформа и формирование крестьянских (фермерских) хозяйств в Амурской области в 1990-х – 2014 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2023. Т. 15, № 6. С. 48–74.

Зарубина Н.Н. Упрощенные социальные практики как способ адаптации к сложному социуму // Социологические исследования. 2014. № 5. С. 37–46.

Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. Ресурсы и практики социально-экономической адаптации населения России. М.: Новый хронограф, 2013. 328 с.

Корякина Е.В. Социально-экономическая траектория развития дальневосточной деревни в середине 1980-х – начале 1990-х гг. XX в. (на примере Амурской области и Приморского края) // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4-2 (56). С. 91–95.

Куликова Н.В. Состояние современной социальной сферы дальневосточного села // Никоновские чтения. 2001. № 6. С. 387–388.

Пастухова Н.Ю. Основные проблемы развития социально-трудовой сферы села дальневосточного региона // Никоновские чтения. 2001. № 6. С. 227–228.

Сухомиров Г.И. Проблема самообеспечения сельскохозяйственными продуктами в регионах Дальневосточного федерального округа // Проблемы развития территории. 2017. № 1 (87). С. 173–186.

Сухомиров Г.И. Продовольственная безопасность Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 1. С. 101–108.

Шелепа А.С. Экономические проблемы развития сельского хозяйства Дальнего Востока России // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 58–70.

References

Koryakina, E.V. (2007). Sotsial'no-ekonomicheskaya traektoriya razvitiya dal'nevostochnoy derevni v seredine 1980-kh – nachale 1990-kh gg. XX v. (na primere Amurskoy oblasti i Primorskogo kraya) [The Socio-Economic Trajectory of the Development of the Far Eastern Village in the Mid-1980s – Early 1990s (Using the Example of Amur Region and Primorsky Region)]. In *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4-2 (56), pp. 91–95.

Kozyreva, P.M. (2013). *Resursy i praktiki sotsial'no-ekonomicheskoy adaptatsii naseleniya Rossii* [Resources and Practices of Socio-Economic Adaptation of the Russian Population]. Moscow, Novyy khronograf. 328 p.

Kulikova, N.V. (2001). Sostoyanie sovremennoy sotsial'noy sfery dal'nevostochnogo sela [The State of the Modern Social Sphere in the Far Eastern Countryside]. In *Nikonovskie chteniya*. No. 6, pp. 387–388.

Pastukhova, N.Yu. (2001). Osnovnye problemy razvitiya sotsial'no-trudovoy sfery sela dal'nevostochnogo regiona [The Main Problems of the Development of the Social and Labor Sphere of Villages in the Far Eastern Region]. In *Nikonovskie chteniya*. No. 6, pp. 227–228.

Shelepa, A.S. (2010). Ekonomicheskie problemy razvitiya sel'skogo khozyaystva Dal'nego Vostoka Rossii [Economic Problems of Agricultural Development in the Russian Far East]. In *Prostranstvennaya ekonomika*. No. 4, pp. 58–70.

Sukhomirov, G.I. (2013). Prodoval'stvennaya bezopasnost' Dal'nego Vostoka [Food Security of the Far East]. In *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. No. 1, pp. 101–108.

Sukhomirov, G.I. (2017). Problema samoobespecheniya sel'skokhozyaystvennymi produktami v regionakh Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga [The Issue of Self-Sufficiency of the Regions of the Far Eastern Federal District with Agricultural Products]. In *Problemy razvitiya territorii*. No. 1 (87), pp. 173–186.

Vashchuk, A.S. (2021). Rossiyskaya zemel'no-agrarnaya reforma v 1990-e gg. i ee nachal'nyy etap realizatsii na Dal'nem Vostoke [Russian Land and Agrarian Reform in the 1990s and the Initial Stage of Its Implementation in the Far East]. In *Itogi i perspektivy razvitiya istoricheskoy nauki na Dal'nem Vostoke Rossii*. Vladivostok, Dal'nauka, pp. 191–199.

Vashchuk, A.S., Kuzhina, N.I. (2023). Zemel'naya reforma i formirovanie krest'yanskikh (fermerskikh) khozyaystv v Amurskoy oblasti v 1990-kh – 2014 gg [Land Reform and the Formation of Peasant (Farm) Farms in the Amur Region in the 1990s – 2014]. In *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. Vol. 15, No. 6, pp. 48–74.

Zarubina, N.N. (2014). Uproshchennye sotsial'nye praktiki kak sposob adaptatsii k slozhnomu sotsiumu [Simplified Social Practices as an Adopting Means to Complex Socium]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 5, pp. 37–46.